

Федяев Дмитрий Михайлович, Штерн Миньона Савельевна

О ЧУВСТВЕННОЙ ФОРМЕ СВЕРХЧУВСТВЕННОГО: Г. ГЕГЕЛЬ, А. ШОПЕНГАУЭР И ДРУГИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. БУНИНА

В статье исследуется философское содержание, неявно присутствующее в "любовной" прозе И. Бунина. В безыскусных на первый взгляд текстах обнаруживаются идеи Г. Гегеля (об индивидах и народах, которые пережили свою высшую точку и живут по инерции), А. Шопенгауэра (о слепой воле, о переживании счастья), В. Розанова (о соитии как завершении акта творения), Н. Бердяева (о переживании прошлого), Л. Шестова (о рождении веры из предельного отчаяния). Присутствуют элементы полемики с В. Соловьевым. Показано, что бунинским сюжетам присуща своеобразная пассионарность и адекватная ей энергетика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/51.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 205-208. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 111.1; 128/129; 159.942.6

В статье исследуется философское содержание, неявно присутствующее в «любвонной» прозе И. Бунина. В безыскусных на первый взгляд текстах обнаруживаются идеи Г. Гегеля (об индивидах и народах, которые пережили свою высшую точку и живут по инерции), А. Шопенгауэра (о слепой воле, о переживании счастья), В. Розанова (о соитии как завершении акта творения), Н. Бердяева (о переживании прошлого), Л. Шестова (о рождении веры из предельного отчаяния). Присутствуют элементы полемики с В. Соловьевым. Показано, что бунинским сюжетам присуща своеобразная пассионарность и адекватная ей энергетика.

Ключевые слова и фразы: контекст; любовь; единичное; слепая воля; счастье; прошлое; контраст.

Дмитрий Михайлович Федяев, д. филос. н., профессор
Кафедра философии
Омский государственный педагогический университет
fedyaev@omgpi.ru

Миньона Савельевна Штерн, д. филол. н., профессор
Кафедра литературы
Омский государственный педагогический университет
lobova@omgpi.ru

О ЧУВСТВЕННОЙ ФОРМЕ СВЕРХЧУВСТВЕННОГО: Г. ГЕГЕЛЬ, А. ШОПЕНГАУЭР И ДРУГИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ И. БУНИНА[©]

Вопрос о взаимоотношениях философии и искусства, о философичности литературы как особом эстетическом качестве обсуждается гуманитариями уже не одно столетие. «Задача поэта говорить не о действительно случившемся, но о том, что могло бы случиться, следовательно, о возможном по вероятности или по необходимости, – говорит Аристотель. – Вследствие этого поэзия содержит в себе более философского и серьезного элемента, чем история: она представляет более общее, а история — частное» [1, с. 1077]. Понятия «вероятное» или «необходимое», выведенные из контекста миметической эстетики, приобретают самые разные значения. В искусстве начала двадцатого столетия интериоризация (перенесение внутрь, усвоение) оказывается основным фактором, обеспечивающим достоверность образа и смысла, поэтому статус «вероятного» и «необходимого» приобретают авторские интуиции, направленные на восприятие общих, вечных, коренных начал бытия. Жизнь становится понятной только изнутри, «понять – значит вжиться в предмет, взглянуть на него его же собственными глазами, отказаться от существенной своей вненаходимости» [2, с. 176]. Такая позиция приводит к принципу, сформулированному О. В. Сливичкой применительно к творческому методу И. А. Бунина: «онтология вместо психологии» [16]. Сосредоточенность на онтологической проблематике и обостренное переживание онтологического придает особую таинственную глубину бунинскому мирообразу. Глубину тем более завораживающую, что главным средством ее отражения становится умолчание. Писатель не стремился рационально сформулировать свое творческое и жизненное *credo*, он был чужд авторефлексии и поэтому часто становился объектом критики для своих «высокоумных» современников – Александра Блока, Зинаиды Гippiус, Владимира Набокова, Ивана Ильина и др. Между тем, расшифровывая глубинные смыслы его образов, мы не только погружаемся в сферу мифологического и символического, но и неожиданно для себя соприкасаемся с разнообразными философскими контекстами. Оказывается, что бунинские смыслообразы отсылают к философским аналогам, потому что его художественные интуиции направлены на освоение главных феноменов человеческого бытия: любви, смерти, времени, памяти, творчества.

Все пишущие о Бунине (уже более ста лет) отмечают свойственную его стилю гипертрофированную «изобразительность», богатство зрительных образов, звуков, запахов, «постоянную переменчивость» состояний природы, движение во всем. Связь между художественной манерой писателя и его мироощущением раскрыта в работах О. В. Сливичкой. Она пишет о присущем Бунину «повышенном чувстве жизни» [15] и о «восточном» элементе в его мирозерцании, который проявляется в ощущении особой ценности и красоты «единичного» [16]. Бунинские описания передают потрясающую красоту мира в целом и каждой его частицы в отдельности. Писатель воспринимает и осмысливает действительность в единстве категорий «прекрасного» и «ужасного» [8, с. 16]. При этом он не проводит границы между «возвышенным» и «низменным», наоборот, их соседство позволяет острее почувствовать величие и красоту «грозного космоса» [18], как и соседство Эроса и Танатоса. За высшим напряжением витального порыва скрывается смерть, «праздничная смерть», если воспользоваться словами другого поэта, Осипа Мандельштама. «Траурная» красота мира нужна Бунину, чтобы земное обнаружило всю свою прелесть и всю свою бренность одновременно, чтобы подойти к границе, за которой кончается реальность и скрывается нечто и ничто. Разница между обычной житейской ситуацией и той же ситуацией в изображении Бунина подобна разнице между вещами и идеями в философии Платона. Обыденность – лишь тень, бледное отражение подлинной мощи бытия.

При всей многозначности творчества Бунина для обычного читателя он был и остается прежде всего автором произведений о любви. Любовь у Бунина *та самая*, вполне земная. Но ей присуща космичность, о которой не раз говорилось в работах самых различных авторов, когда-либо писавших о творчестве Бунина. «Высокая любовь бунинских героев – это некая сверхъестественная, абсолютная сила...» [13, с. 125]. Это «безликий космический зов пола», «некая универсальная, высшая, непонятная сила» [12, с. 136]. Природе безразлично: тот или другой – вот первый тезис «бытийного» содержания, буквально вбиваемый в душу читателя «Темными аллеями», пятой книгой «Жизни Арсеньева», повестью «Митина любовь», «Солнечным ударом», «Легким дыханием» и другими произведениями писателя. В природе, – считал А. Шопенгауэр, – господствует слепая воля. В мире живого она проявляется в неосознанном, но неизменном стремлении к сохранению рода. Индивиды природе безразличны, более того, она к ним жестока. Ей «важно» только чтобы род не прерывался. В мире людей воля к сохранению рода выражается в любви. Это дано человеку, и это именно то, с чем он не может бороться. В основе всех бунинских любовных коллизий обнаруживается одно и то же чувство, одна Воля, против которой все его герои бессильны и подчиняются ей, не думая об условиях и последствиях. Многие тяжело расплачиваются за это подчинение, теряют все вплоть до жизни – для природы это не имеет никакого значения: вместо одного придет другой и будет для нее тем же самым.

Однако подчинение «слепой воле» отнюдь не приводит к пассивности бунинского персонажа, к внутренней статике. Напротив, оно рождает особое переживание, по своей напряженности превосходящее все возможно-сти и переходящее границы человеческого. Героям Бунина присуща какая-то страдательная активность, и это связано с природой любви. В «Темных аллеях», условно возвращаясь в 1900-е годы, с их атмосферой эротической игры, исканий и экспериментов, писатель затрагивает почти все вопросы любви и пола, волновавшие религиозных мыслителей и философов начала века. Среди этих вопросов есть типично «розановские», «вейнингеровские», оригинально переосмысленные Буниным «соловьевские» (например, проблема сублимации эроса). «В любви есть что-то упорное, – замечает В. Розанов, – “запрещено” и “нельзя”: вот тут-то я и хочу... Это, кажется, закон ее... Упорства “своего” и “особенного”» [15, с. 140]. В «Темных аллеях» обозначенная Розановым коллизия – основополагающая. На ней строится бунинская концепция трагического. Любовь всегда преодолевает некий запрет, любящие преступают невидимую черту. Торжество любви кратковременно, и катастрофа рано или поздно настигает героев. Эта коллизия воссоздана писателем в разных эмоционально-эстетических тональностях. Трагедийной (например, в повести «Митина любовь»), возвышенно-поэтической (в рассказе «Натали», повести), иронической, трагикомической, даже гротескной (в миниатюре «Барышня Клара»). Но в любом случае данная коллизия отражает трагическую ситуацию, в которой оказывается человек, стремящийся и вынужденный испытывать на себе, претерпевать всю мощь космического эроса.

Близки бунинской философии любви и остроумные рассуждения Розанова (имеющие корни в Библии) о соитии как продолжении и завершении акта творения, начатого Богом. «Все окончено и очерчено в человеке, кроме половых органов, которые кажутся около остального каким-то многоточием или неясностью... которую встречает и с которой связывается неясность или многоточие другого организма. И тогда – оба ясны.

Как бы Бог хотел сотворить акт; но не исполнил движение свое, а дал его начало в мужчине и начало в женщине. И они уже оканчивают это первоначальное движение. Отсюда его сладость и неодолимость» [Там же, с. 144].

В телесной близости двоих Бунин видит осуществление извечной тяги всего живого к всеединству, мистическое соединение, преодоление разобщенности, чуждой природе: «Кто он, она еще не понимала в полусне, не все равно – это был тот, с кем она, в некий срок, впервые должна была соединиться в самой тайной и блаженно-смертной близости. Эта близость, обоюдная, свершилась и уже ничем в мире расторгнута быть не может, и он навеки унес ее в себе, и вот эта необыкновенная ночь принимает его в свое непостижимое светлое царство вместе с нею, с этой близостью...» (здесь и далее текст приводится по изданию: Бунин И. А. Собр. соч.: в 9-ти т. М., 1968). Но это лишь краткий миг торжества любви.

«Всякое удовлетворение, – продолжает Шопенгауэр, – то есть всякое удовольствие и всякое счастье, имеет отрицательный характер, между тем, страдание по своей природе положительно» [18, с. 65]. Мы чувствуем боль, а не безболезненность, страх, а не беззаботность. Поэтому наше счастье всегда было в прошлом или ожидается в будущем. Бунин выбирает прошлое. Большинство сюжетов рассказов из книги «Темные аллеи» – воспоминания. Считается, что категория будущего у Бунина вообще отсутствует [12, с. 46], зато ему в высшей степени свойствен пассеизм. Согласно Л. Н. Гумилеву, обращенность в прошлое является одним из существенных признаков пассионарности. Пассионарность молодого этноса обнаруживается не только в бьющей через край энергии практического действия, но и в своеобразном мироощущении пассеизма. Смысл его в том, что каждый активный строитель этнической целостности чувствует себя продолжателем линии предков, в которой он что-то прибавляет: еще одна победа, еще одно построенное здание, переписанная рукопись, выкованный меч. Это «еще» говорит о том, что прошлое не ушло, оно в нем, в человеке. Пассионарии – не просто наследники традиций, а их часть. Далее, по Л. Н. Гумилеву, энергия пассионарного толчка угасает, и люди обращаются к настоящему. Умиравший этнос интересуется только будущим [7].

В своем восприятии времени Бунин сближается с философами двадцатого века – А. Бергсоном, М. Хайдеггером, Н. Бердяевым. В его представлении время может быть «мертвым», разрушительным (линейное, поступательное, историческое) и живым (обращенное вспять, личностное, художественное). «Река времен в своем стремленьи / Уносит все дела людей / И топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей...» – Бунину близки эти строки Г. Р. Державина. Живое время восстанавливается через усилие памяти, которая есть движение

вспять по реке времен. Память сохраняет прошлое для вечности, освобождает его от власти брэнного, преходящего. Не являются ли бунинские формы воплощения и принципы осмысления времени своеобразным художественным аналогом размышлений философа: «Прошлого, которое нам так нравится и которое нас так притягивает, - пишет Н. Бердяев, - никогда не было. Это прошлое прошло через наше творческое воображение, очищение, оно предстоит нам освобожденным от бывшего в нем зла и уродства. Мы любим лишь прошлое, приобщенное к вечности, но прошлого в прошлом никогда не было, прошлое есть лишь составная часть нашего настоящего» [4, с. 155]. Бунинский пессимизм придает прошлому статус не только настоящего, но и вечности.

В своей прозе эмигрантского периода Бунин создает (наряду с другими художниками первой волны эмиграции) особую мнемотическую поэтику. Из своей старости и одиночества, из тоски по утраченному времени и навеки оставленному родному пространству он творит книгу о странствии в лабиринтах «памятных мгновений» (по выражению В. Вейдле) – «Жизнь Арсеньева».

«Повышенное чувство жизни», свойственное Бунину, проявилось и в обостренном ощущении всех реальных бытия, и в постоянной работе «образной памяти», лежащей в основе его творчества, и в напряженном эротическом переживании, вмещающем в себе всю полноту, мощь, напряжение космического эроса. Чувство напряженности происходящего, как не раз говорилось, Бунин доводит до предела, обращаясь к приему контраста [5, с. 211]. Еще Платон считал, что вещи напоминают об идеях или по сходству, или же по контрасту, как созерцание безобразного вызывает тоску о прекрасном. Бунин противопоставляет предельному напряжению жизни или смерть, или же неподлинное бытие, некое подобие смерти. Чтобы понять этот второй род смерти у Бунина, стоит обратиться к Г. Гегелю.

В «Философии истории» Гегель описывает состояние народа, который сделала свое дело и уже оставлен Разумом, перешедшим к более высоким ступеням развития и, соответственно, к другим народам: «дух народа наслаждается своим произведением, своим миром и удовлетворяется этим. Народ... добродетелен, силен... может еще многое сделать на войне и в мире, в своей стране и за пределами ее; но... сама живая субстанциональная душа уже бездействует. Поэтому глубокий высший интерес исчез из жизни... Народ живет так, как живет стареющий индивидуум, наслаждаясь самим собой, довольствуясь тем, что он именно таков, каким он желал быть и что он достиг того, чего желал достигнуть... таким образом, индивидуумы и народы умирают естественной смертью; если последние и продолжают существовать, то это лишенное интересов безжизненное существование,... пустота и скука» [6, с. 71-72]. Так продолжают жить и бунинские герои после того, как любовь, главная в их жизни, прошла, прошение любви уже не повторяется, часы продолжают идти, и не более того. Цикл завершен.

Такой цикл, по мысли Бунина, проживают и отдельный человек, и целые народы. «Смерть» (неподлинная жизнь) индивидуума и посмертное существование народа в чем-то подобны и имеют свою ценность. Народы и земли, умершие для истории, остаются живыми в памяти «странника», путь и сознание которого устремлены к прошлому. В очерке «Иудея» из цикла «Тень птицы» Бунин пишет: «Жизнь совершила огромный круг, создала на этой земле великие царства и, разрушив, истребив их, вернулась к первобытной нищете и простоте...» Прекратившая свое историческое существование земля «оживает», оказавшись «внутри» сознания автора, погруженная в поток ассоциаций, впечатлений, переживаний субъекта. Она драгоценна как источник, питающий память. Существование индивидуума, пережившего высший миг своей жизни, подобно состоянию больного, скрывающего свой недуг. Но и оно озарено воспоминанием о «вероятном» и «необходимом» - об утраченном или упущенном счастье. Герой рассказа «Ида», не заметивший и не осознавший великого дара любви, наказан долгой томительной жизнью, и лишь память воскрешает и поддерживает в нем неиссякающую и неодолимую страсть к теперь уже недоступной (хотя и любящей его) подруге: «Солнце мое! Возлюблена моя! Ура-а!». Память сохраняет живыми всех, «с кем мы были счастливы, блаженны, а потом разошлись, растерялись в жизни навсегда и навеки и все же навеки связаны самой страшной в мире связью!».

С бунинским пониманием высшего мига жизни, ее величайшего напряжения, отмеченного для человека смешанным чувством «восторга любви и гибели», связано и его понимание сублимации эроса. Это представление весьма далеко от учения В. Соловьева, но оригинальность Бунина отчетливее проступает именно на фоне соловьевских идей. Не постепенное восхождение от низших форм любви к высшим представлено в произведениях писателя, но одновременное со-переживание противоположных полюсов эроса, низменных и возвышенных его форм, или даже разных видов высокого чувства (страсти, сострадания, поклонения). Иногда осознание многообразия ликов Эроса и его непримиримых противоречий оказывается столь непереносимым, что герой предпочитает самоубийство («Митина любовь»). Иногда это осознание приводит к мысли о том, что не бывает несчастной любви, поскольку само чувство доставляет человеку непонятное блаженство, в котором растворяется страдание и которое ценнее, богаче простого обладания («Натали»). Но в любом случае переживание противоположных состояний, осознание антиномий эроса как раз и придает напряженность бытию человека, его мироощущению.

Еще одно имя, возникающее (весьма неожиданно и, возможно, парадоксально) в философском контексте, созвучном латентной философичности бунинского творчества, - имя Льва Шестова. Разработка этой темы едва начата [11]. Перечислим возможные аспекты сопоставления: во-первых, литературность философствования. И Шестов, и Бунин (все-таки так!) – мыслители гераклитовского типа; образные, имплицитные смыслы в их высказываниях богаче, серьезнее, чем прямо сформулированные. Во-вторых, «сомнительность» религиозного эксперимента. Шестов убежден в том, что только предельное, бескомпромиссное отчаяние, только признание неодолимого трагизма человеческого существования рождает подлинную веру.

И тогда – «все возможно» (а не «все позволено»). О Бунине известно, что Бога он «чувствовал сильно», но с восточным, буддистским оттенком. Особенность религиозности Бунина в том, что главным свидетельством присутствия Бога в мире оказывается витальная мощь самого этого мира. А все «ужасное» в нем, особенно любовь и смерть, внушает чувство священного ужаса, потрясения и необходимо для возбуждения страха Божьего (то есть восторга перед Творцом). И, наконец, вспомним, что основная идея философии Шестова, по мнению Н. Бердяева – освобождение человека от власти необходимости, борьба против власти общего и общеобязательности над человеческой жизнью [3]. Никто не описал с такой силой, как это сделал Бунин в рассказе «Чаша жизни», весь ужас существования человека, находящегося во власти непознаваемой, абсурдной, убийственно пошлой и тривиальной необходимости (обыденности). Неудивительно, что персонажи рассказа, каждый на свой лад, бунтуют и заявляют о своем бунте эксцентричными поступками, чудачеством, бессмысленной междуусобной враждой и бесплодными попытками отстоять свою свободу. В-четвертых, шестовские «откровения смерти» близки бунинскому восприятию смерти как события, преобразующего и освобождающего человеческую плоть, возвращающего ей изначальный статус сакральности, что не исключало и противоположных тяжелых переживаний Бунина по поводу «смертного безобразия».

Намеченный круг имен и идей, соотносимых с бунинским творчеством, его философской составляющей, отнюдь не исчерпывает всех возможных контекстов. Выявление аналогий между имплицитной, образно воплощенной философией жизни Бунина и идеями-топосами («общими местами») мировой философии может и должно быть продолжено.

Список литературы

1. **Аристотель.** Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск: Литература, 2011. 1280 с.
2. **Бахтин М. М.** Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 176 с.
3. **Бердяев Н.** Основная идея философии Льва Шестова // Бердяев Н. Типы религиозной мысли в России: собр. соч.: в 4-х т. Париж: Умса-press, 1989. Т. 3. 714 с.
4. **Бердяев Н.** Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 147-162.
5. **Волков А. А.** Проза Ивана Бунина. М.: Моск. рабочий, 1969. 448 с.
6. **Гегель Г.** Философия истории // Гегель Г. Соч.: в 14-ти т. М. - Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 8. 470 с.
7. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера земли. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 496 с.
8. **Евстафьева Н. П.** Своеобразие жанровых форм в книге И. А. Бунина «Темные аллеи»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Харьков, 1990. 21 с.
9. **Ильин И. А.** О тьме и просветлении: книга художественной критики. Бунин. Ремизов. Шмелев // Ильин И. А. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1996. Т. 6. Кн. 1. 560 с.
10. **Колобаева Л. А.** Иван Бунин и Лев Шестов. Проблема духовного обмена // И. А. Бунин и его окружение. К 140-летию со дня рождения писателя. М., 2010. С. 51–58.
11. **Мальцев Ю.** Иван Бунин. 1870-1953 гг. Франкфурт-на-Майне. М.: Посев, 1994. 432 с.
12. **Михайлов О. Н.** Иван Алексеевич Бунин: очерк творчества. М.: Наука, 1967. 174 с.
13. **Розанов В. В.** Уединенное. М.: ИПЛ, 1990. 543 с.
14. **Сливицкая О. В.** О природе бунинской «внешней изобразительности» // Русская литература. 1994. № 1. С. 72-80.
15. **Сливицкая О. В.** «Повышенное чувство жизни»: мир Ивана Бунина. М.: Российский гос. университет, 2004. 268 с.
16. **Сливицкая О. В.** Психология как онтология (О рассказе «В ночном море») // Концепция и смысл. СПб., 1996. С. 283-293.
17. **Спивак Р. С.** Грозный космос Бунина // Литературное обозрение. 1995. № 3. С. 35-39.
18. **Шопенгауэр А.** Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. 479 с.
19. **Woodward J.** Ivan Bunin: a Study of His Fiction. Chapel Hill, NC, 1980. 275 p.

ABOUT SENSUAL FORM OF SUPERSENSUAL: G. HEGEL, A. SCHOPENHAUER AND OTHERS IN I. BUNIN'S ARTISTIC WORLD

Dmitrii Mikhailovich Fedyaev, Doctor in Philosophy, Professor

*Department of Philosophy
Omsk State Pedagogical University
fedyaev@omgpu.ru*

Min'ona Savel'evna Shtern, Doctor in Philology, Professor

*Department of Literature
Omsk State Pedagogical University
lobova@omgpu.ru*

The authors study the philosophical content, which is implicitly present in Bunin's "love" prose, mention that in unsophisticated texts, as they seem at first sight, the ideas of G. Hegel (about individuals and peoples, who have experienced their highest point and live by inertia), A. Schopenhauer (about blind will, experience of happiness), V. Rozanov (about coition as creation act completion), N. Berdiaev (about the experience of the past), L. Shestov (about the birth of faith from ultimate despair) become apparent, describe that there are elements of controversy with V. Solov'ev, and show that distinctive passionarity and energy that is adequate to it are typical of Bunin's plots.

Key words and phrases: context; love; single; blind will; happiness; past; contrast.